

ПОЧЕМУ БОГ НАКАЗАЛ ХАМА

Ответы на вопросы открытых встреч

— Почему в разных храмах разные цены на свечи — как будто есть *vip* и *эконом-класс*? И вообще много различий: например, в одном храме в пост разрешают есть рыбу, а в другом батюшка говорит, что рыбу нельзя. Он ведь не врач, чтобы объявлять об этом всем, кто есть в храме.

Свящ. Георгий Кочетков: Все эти вопросы имеют весьма относительное значение. Они касаются прежде всего церковных традиций. Никто, наверное, не сомневается в том, что если человек хочет купить свечку, он должен её купить. В наше время с этим проблем нет. Но важно знать, что плата за свечи — это возможность поддержать храм, вместе с требами это одна из основных возможностей дохода для прихода. Цены устанавливаются достаточно произвольно, так как все это рассматривают именно как пожертвования на храм. И я думаю, что если у человека нет денег, он может купить свечку подешевле или попросить подешевле продать её. Если же человеку совсем трудно и он стесняется попросить и не может заплатить, то даже если он и не купит свечки, никакого греха в этом не будет, ведь это не является чем-то обязательным, устойчивым, уставным и т.д.

В том, что касается постов, практика тоже разнообразна. Наш устав поста — это палестинский устав, выработанный совсем в другое время, в других условиях, очень непохожих на наши. Там много фруктов, много рыбы, там всё по-другому. Так что, конечно, надо было бы в нормальном случае делать какие-то естественные варианты. Но такого разнообразия в церкви не хватает. И поэтому есть разные священники — одни подходят к делу больше исторически, другие исходят прежде всего из пастырских соображений, а третьи больше из соображений уставных или даже уставнических. Надо всегда помнить духовный смысл, духовную цель поста. Богу не нужны наши свечки и наши посты. Они нужны нам. Мы дарим Богу нечто, показывая, что даруем Ему своё сердце. И если мы с любовью относимся к Нему и к ближним, если мы стараемся жить по-христиански во всём, если мы облегчаем давление плоти на наш дух, на наше сердце через пост, это Богу важно. И каждому человеку и приятно, и полезно почувствовать такую свободу. Но если кто-то не может, допустим, позволить себе этого, если его сила веры и сила духа слабы, то тогда, конечно, человек может делать послабления. Тем более что в самой церковной традиции разнообразие всё-таки присутствует, хотя оно, к сожалению, и минимально. Например, всегда говорится, что можно ослабить пост больным, детям, беременным, находящимся в путешествии. И никто не устанавливает точно, насколько можно ослаблять этот пост. Обычно при этом подходят к священнику и спрашивают благословения: «Вот я хочу по отношению к уставу сделать такое-то исключение, благословите, потому что у меня такая-то причина». И уже священник в силу своей мудрости и опытности, своей любви к человеку и пониманию его, даёт соответствующее благословение. Исходите из этого, и вы не ошибётесь.

— Как в церкви определяют, каким способом можно бороться с пьянством, а каким — нельзя? Мой знакомый после сеанса гипноза восемь лет не пил. Потом снова начались проблемы. Решили посоветоваться с батюшкой, а он: гипноз — ни в коем случае, но если соберётся подниматься, это можно. Чем руководствуются в этих вопросах священники? Ведь на самом деле всё просто: что помогает, то и надо использовать.

О. Георгий: Нельзя считать, что цель оправдывает средства, это слишком уж некачественный подход. Конечно, священники правы в том, что они стараются разбираться не только в целях, но и в средствах. Да, цель избавления от пьянства очень трудна и очень существенна, но надо думать и о средствах, надо думать о том, что может человеку повредить, что может человека духовно как бы перенастроить. Я видел много священников, которые говорили, что как раз подшиваться нельзя, а гипноз можно. А некоторые говорят — ни того, ни другого нельзя и т.д. Ведь здесь надо смотреть — какой гипноз, как он действует на психику человека, не повредит ли он нормальный строй этой психики. Если нет, то как вынужденное средство, он может быть принят, точно так же, как подшивание, которое тоже во многих случаях помогает — психологически, или, может быть, ещё как-то, я не знаю точно, но я знаю, что некоторым помогает. Это, конечно, сильные средства, они, конечно, как-то искажают норму человеческой жизни, но ведь само пьянство искажает её ещё больше, так что приходится исходить из необходимости выбирать из двух зол меньшее. Это ситуация в любом случае неблагоприятная, неблагоприятная, но уж если человек попал в неё, то другого выхода

Ной проклинает Хама. Гравюра Гюстава Доре

да нет. Лучше, конечно, чтобы человек боролся с этим грехом иначе — силой духа, силой веры, силой любви. Можно победить любую страсть, любой грех, любую склонность, любую привычку этой силой, но не всегда у нас на это есть соответствующая подготовка, мы не всегда внутренне, сердцем своим расположены затрачивать большие духовные усилия для того, чтобы достигать таких целей. Наши духовные силы очень ограничены, нам приходится их распределять, и на что-то мы тратим много сил, а на что-то их не хватает. Тогда, конечно, приходится переходить к формам борьбы со злом более «обмёрзшим», менее духовным. Это часть большой проблемы: как человеку бороться со злом внутри себя, как бороться с грехом, как бороться со страстями. Это большая наука. И всем понятно, что в один миг здесь ничего не делается. Человек должен всегда понимать, что нужно проявить и терпение, и смирение, и послушание Богу, если он хочет добиться результата. Так что смотрите на средства, умейте советовать, проверять свои решения, смотреть на результаты, но самое главное, обращайтесь к Богу и внутрь себя смотрите, приходите в себя, смотрите на своё сердце для того, чтобы найти лучший путь и достичь благих своих целей.

— Меня пригласили стать крёстной. Я считаю, что Бог и вера — важно, а церковь — какой-то отдельный институт, в котором очень много неопеностей. Правильно ли я понимаю, что могу быть крёстной? Какую книгу можно почитать для подготовки? Большинство брошюр, которые я видела в храмах, не вызывают доверия.

О. Георгий: Институт крёстных возник в церкви. Поэтому надо исходить, хотим мы того или не хотим, из опыта церкви, из её учения, даже если мы видим в её жизни нарушения духа и смысла, которые в каком-то смысле неизбежны, потому что церковь — это народ Божий, а где люди, там проблемы. Да, такие нарушения есть, вы правы, но ведь они есть и в вас. А кроме этой стороны есть и другая: кроме грехов есть добрые плоды. Главное же в том, что в Церкви живёт благодать Божья, живут святые люди и существует общение святых. Поэтому если у вас есть хоть какое-то доверие к Богу, вы должны, прежде всего, разобраться в церковной традиции, в церковных требованиях к крёстным. Крёстный — это поручитель за крещаемого, он гарант искренности желающих прийти к крещению, креститься самим или крестить своего ребёнка. Эта искренность необходима для того, чтобы крещение было не формальным, чтобы оно приводило к реальному воспитанию в вере, к подлинным добрым плодам: жизни по вере, по любви, в надежде, в духовной свободе.

Но для того, чтобы помогать в этом крестнику, надо всё это сперва иметь самому. И здесь вы без Церкви не обойдётесь. Церковь — это школа любви в этом не очень добром мире, в котором мы живём. И если вы не научитесь жить в любви, то даже если вы будете правильно критиковать каких-то людей, какие-то поступки или слова, но сами ничего не сможете дать —

цена такой критики невелика. Так что смотрите, будьте мудры, поступайте по совести, но главное — стремитесь к тому пространству духа и смысла, в котором церковная традиция только и может существовать.

Вы как крёстная должны будете регулярно причащать ребёнка (скорее всего, в вашем случае крестник — это ребёнок или не очень взрослый человек), должны будете учить его вере — всё это потребует изменения в вас самих, прежде всего изменения отношений с Богом, с ближними, а значит, и с Церковью, потому что Церковь и есть собрание единоверных людей, которые призваны к жизни по любви, к поведению любви, к живому свидетельству, к жизни во свете. И это свидетельство ваше может быть только вашей жизнью, вашими делами. В одиночку христианин осуществить свою веру не может. В древности говорили: один христианин — не христианин. Вот вам тайна Церкви, вот вам самое главное. Церковь — это не просто институты, начальство, традиции, те или иные условия. Это, прежде всего, духовная община или духовное общество, которое живёт в традиции любви Христовой и старается преодолеть свои грехи, бороться со злом и жить по-Божески и по-человечески. История церкви — сложная вещь. Церковь живёт в мире сем, хоть и не от мира сего, а коли в мире сем, значит, постоянно искушаема этим миром, и кто-то, конечно, падает, кто-то, конечно, не может сразу побороть в себе даже серьёзные, крупные и очевидные грехов. Но, повторяю, смотрите трезво на себя, и вы поймёте тогда и тайну другого, и тайну Церкви, и полюбите Бога и Церковь, и сможете привести своих крестников в общение с ними.

— Почему Бог наказал Хама за проступок Ханаана?

О. Георгий: Хам и Ханаан в данном случае синонимы. Бог наказал Хама за его собственный проступок, за то, что он нарушил заповедь о почитании родителей, только за это — за то, что он в буквальном смысле слова нахамил. Он злоупотребил своей возможностью быть близко к отцу. И хотя отец не был идеалом (а Ной — праотец, как его называют в церковной традиции, — не был в данном случае очень благочестив, он напился, заснул обнажённым), нужно было просто по-человечески, по велению своего здравого смысла и совести помочь ему. А Хам вместо этого стал насмехаться над его пьянством и наготой и как бы обнажил грех отца, чего, конечно, не следовало делать. Никогда нельзя унижать старших, тем более родителей, никогда нельзя насмехаться над слабостями или даже какими-то греховными случаями в их жизни. Это нужно было сохранить в собственном сердце для того, чтобы можно было пожалеть, чтобы можно было сделать так, как братья Хама, которые скромно подошли и прикрыли отца, всю наготу его.

В этом есть иносказание. Эта нагота не просто физическая — физической наготы никто никогда не боялся, хотя и здесь могут вполне существовать какие-то определённые правила взаимоотношений и поведения, но не это главная проблема. Прикрыть наготу отца — это значит, прежде всего, не распространять о нём каких-либо слухов, каких-либо подозрений, каких-либо осуждающих суждений. Вот это важно, это мы должны делать и по отношению ко всем людям. К сожалению, в наше время люди часто не только открывают наготу своих друзей, близких, родных, родителей, братьев, сестёр, но и готовы распространять всё, что угодно, не готовы хранить ничью тайну, не готовы просто простить человека за его слабости и какие-то согрешения. Им нужно обязательно рассказать об этом другим и позорозаставлять. Это следствие глубочайшего падения человека и свидетельства того, что человек от этого падения ещё не встал.

Грех человека, который открывает наготу отца или других старших — больший, чем грех того, кто встал в состояние, в котором, например, находился Ной. Об этом люди в наше время не думают, а Библия продолжает эту тему, и в других местах Закона есть пояснения того, как нужно относиться и к родителям, и вообще к старшим, и категорически запрещается, вплоть до смертной казни, открывать наготу старших, начиная с отцов. Это не случайно. К сожалению, это было забыто, хотя нам очень стоило бы об этом помнить — тем более в наше время в России, когда мы везде и всюду трубим о своих недостатках, всё проклинаем, ничего не уважаем, ничего не ценим, и, найдя какой-то один недостаток у человека, готовы забыть всё доброе, хорошее, что этот человек нам сделал, лишь бы проявить свою надменность, высокомерие, своё осуждение, как бы за счёт другого, унижая другого, утвердить и возвысить себя. Но «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать». Помните об этом.

ДЕТИ И ВОЙНА

18 мая после воскресной литургии в Новодевичьем монастыре мы собрались в одной из аудиторий Свято-Филаретовского института, чтобы послушать воспоминания тех, кто в годы войны был ребенком и хотел нам об этом рассказать. Эта встреча планировалась как разговор, предназначенный прежде всего для детей и молодежи, приглашались и все желающие. Ожидали человек 20-30, а пришло все наше Свято-Троицкое братство! В большой аудитории было тесно. Наши сестры-«ветераны» сели на почетные места, чтобы их было всем видно. Они просто встали, ведь они давно не были в центре всеобщего внимания. Каждая говорила незримо, ведь это был голос сердца, но в огромной аудитории была такая тишина, что мы все слышали. Удивительно были эти нехитрые рассказы-свидетельства, и перед нашими глазами как наяву вставала страшная война глазами безгрешных детей, не понимавших, что происходит, но страдавших от голода и холода наравне со взрослыми.

Многие пережили войну в Москве, кто-то — в эвакуации, кто-то — в блокадном Ленинграде, а одна из сестер — под Курском, недалеко от Прохоровки. Мы как бы иными глазами увидели наших таких знакомых сестер. Многие вспоминали, как молились их матери и бабушки, как более-менее благополучно пережила войну такая семья. Почти каждая вспомнила, что мама была донором, ведь за это поласался дополнительный паек. Молодые женщины, работая впроголодь на войну, неся тяготы и страдания, отдавали еще и свою кровь, чтобы спасти кого-то от смерти и прокормить своих детей. Низкий им поклон! Многие говорили и слушали со слезами на

глазах, нередко ком в горле мешал рассказывать. Каждый был причастен к тем годам, даже те, кто родился позже. Выступавших было много, поэтому сообщения их были короткими. Рассказывали только о самых ярких впечатлениях. И, конечно, о радости Победы! Многие принесли старые фотографии, а одна из сестер — почерневшую иконку Николая Угодника, которую дала мать в детскую ручонку и с которой она никогда не расставалась. А Людмила показала фотографию своего старшего брата. Она отпечатала ее недавно, увеличив паспортный снимок. Другого у нее нет. Этот мальчик шагнул в войну прямо со школьной скамьи и не вернулся. Весь их десятый класс ушел на фронт! А в живых остался только один. Из всего класса... Конечно, вспоминали и о репрессированных близких, о том, что даже дети были гонимы за то, что их родные незаконно и безвинно сосланы и убиты. Потом наши дети и молодежь читали стихи военных лет, и мы все вместе пели песни о войне. Хорошо так пели, душевно, вполголоса, едиными устами и единым сердцем.

Конечно, вспоминали и о репрессированных близких, о том, что даже дети были гонимы за то, что их родные незаконно и безвинно сосланы и убиты. Потом наши дети и молодежь читали стихи военных лет, и мы все вместе пели песни о войне. Хорошо так пели, душевно, вполголоса, едиными устами и единым сердцем. Конечно, вспоминали и о репрессированных близких, о том, что даже дети были гонимы за то, что их родные незаконно и безвинно сосланы и убиты. Потом наши дети и молодежь читали стихи военных лет, и мы все вместе пели песни о войне. Хорошо так пели, душевно, вполголоса, едиными устами и единым сердцем.

Татьяна Фролова

«В школе скажешь: папа без вести пропал»

Воспоминания Таисии Степановны Крупчук

Настоящая война еще не была объявлена, но в домах у нас уже велась подготовка и проводились воздушные учебные тревоги, мы к ним привыкли и часто уже не реагировали, когда по радио раздавалась сирена. Один раз мама меня разбудила и говорит: «тревога, но это не учебная, нет — это настоящая» и велела быстро одеваться. Спустились в подвал, у нас дом двухэтажный, подвал — это бывшая котельная, и там на горе разложены были доски амфитеатром и сидели люди.

Были цинковики, и на штабеле этих цинков спала девочка из соседней квартиры. Меня положили рядом, чтобы я не сидела на досках, но я не могла уснуть. На меня стали сердиться, а потом заглянули — а цинковка вся в клопах, наверное, их сюда принесли для того, чтобы зимой сжечь. Это мое первое впечатление о войне.

Больше мы не спускались в подвал, но у нас в подъезде была женщина, которая безумно боялась бомбежек и угрожала мою маму пойти в метро. А мы жили в Марьиной роще и оттуда пошли к метро пешком. Было лето, народ шел с узелками, мы шли до метро, наверное, час или больше. Спустились (эскалатор не работал) и там на платформе стояла машина с красным крестом — я еще подумала: а как эта машина там оказалась? Народ располагался на путях. Каким-то образом переночевали, я этого не помню, и после этого мама сказала, что никуда больше не пойдет, и мы больше не прятались и никуда не ходили. И народ говорил, что надо у себя дома оставаться.

Это было лето, народ уезжал в эвакуацию, но мы никуда не уезжали. Наступил октябрь, осень, каждый день со-

общали, где оказывались немцы около Москвы, с какой стороны. Был октябрь, 26 число, я это запомнила. Мы с мамой вышли на улицу. Была тишина, народу нигде не было, было очень морозно, земля оледенела. Вдруг откуда-то появился старичок и негромко сказал, что немцы вошли в Москву. Я подумала: «Ой, а как же мы будем?», и мы пошли домой. Потом я узнала, что немцы нельзя сказать что прорвали оборону, но группа мотоциклистов проскочила из Химок, а потом их перехватили. Но народ уже знал, что где-то кто-то проскочил, хотя телефонов никаких не было. А до этого были слухи, что Сталин оставил Москву вместе с правительством. Многие говорили: «Как это так, этого не может быть», но это было так, в последнее время ситуация была тяжелой. Но, слава Богу, Москву отстояли.

В 41 году не учились — это было жестоким, холодным, голодный год. Отопление не работало. Мы сначала скинулись по знакомым. В это время мама была ответственной за наш дом (я взяла ее листок, на нем написано: «Штаб МПБО Дзержинского района, местная противопожарная оборона Москвы»). Она следила за дежурством на крышах — дежурили каждую ночь, затем, чтобы в случае попадания зажигательной бомбы можно было ее кинуть в песок и с крыши вниз. И еще каждую ночь ходили дежурные и следили, чтобы изнутри были закрыты окна. Иногда постучат: «А у вас щелочка видна».

Мама попросила в домоуправлении где-то пожить, т.к. отопление не было, стены текли, а по знакомым ходить было уже невозможно. И нам выделили квартиру в деревянном доме — оттуда люди уехали в эвакуацию, было 2 пустых комнаты, и мы решили там пожить, потому что там была печка. Но это быстро закончилось, потому что мы угорели. Мама приходила с работы уставшая и не могла дожидаться, когда все догорит, и засыпала.

К этому времени народ стал приспособиваться и стали печки строить у себя в комнатах, но ветер задувал все в комнату. Но жить было можно, зиму мы пересиливали, а в 42 году пошли учиться.

Особые воспоминания у меня связаны с первым классом, потому что мой отец был репрессирован в 37 г. По этой причине мы и не эвакуировались. Первое сентября, хорошая погода, дети идут в школу. Меня поручили девочкам из соседнего подъезда, чтобы они проводили меня. И первые напутственные слова моей мамы: «Когда тебя в школе будут спрашивать, где твой отец, скажи: «без вести пропал»». И с этим я пошла. Я не знала, в какой класс идти, девочки быстро растворились. Прозвонел звонок, я куда-то пошла, увидела одну девочку в очереди, сказала: «я к тебе встану», она ответила: «вставай». И в результате я попала куда надо. В течение дня детей разводили из класса в класс, потому что дети пришли без родителей. Сейчас, когда приводят в 1 класс, детей не видно, одни родители.

Вопрос из зала: С цветами шли?

Какие цветы, даже портфельчиков не было, помню, мама положила мне карандашик и завернула в листок бумаги, я понесла, положила, все это порвалось, портфельчиков-то не было.

К чему я это рассказываю? Потом, через неделю-две, стали появляться комиссии и они с пристрастием спрашивали у каждого ребенка: «А где твой отец?» У меня сердце уходило в пятки, потому что я думала, что сейчас обнаружится, что я вру. Этот страх был у меня несколько лет. Они приходили часто. Потом стало известно, почему они ходили: потому что у многих детей родители погибли, и государство оказывало помощь детям, которые остались без родителей. И если пришла похоронка, то ребенок вправе получить одежду: зимнее пальто, ботинки. А кто без вести пропал, те относились к врагам народа, и их дети не имели права на такую помощь. И родители, чтобы не травмировать своих детей, говорили и о репрессированных тоже: папа без вести пропал. Я же не встану и не скажу в классе, что мой отец в тюрьме.

Вопрос из зала: А ты знала об отце?

Как-то я гуляла во дворе, мне было пять лет, и одна тетенька подошла ко мне и спросила: «А ты знаешь, где твой папа?» Я не знала, где мой папа, потому что я привыкла жить с мамой, и вообще не было мужчин, они все на работе. Я и не знала, что папа должен быть в доме. Когда мне было три года, его забрали — и все. «А твой папа в тюрьме», — сказала та тетя. Я сразу бросилась к маме, наверное, она мне что-то объяснила, но что — я не помню.

Поэтому, когда я была в первом классе, я уже была подготовлена, но только очень тряслась. И писала, что отец пропал без вести, до четвертого курса института. В 55 году, когда уже Сталина не было, отца реабилитировали и восстановили в партии. И я уже могла с чистой совестью писать, что отец у меня был репрессирован, реабилитирован. А до этого столько лет мне пришлось лукавить.

Когда мы в школе учились, мы посылали на фронт маленькие посылки (кисетики, мешочки, нитки, носки, махорку), кто-то писал письма. В школе были санитарные дружины, нас учили делать перевязки, накладывать шины. Летом, когда немцев отогнали от Москвы, детей занимали на летних площадках. Были такие летние лагеря, которые не выезжали из Москвы. Мы с воспитателем ходили в парк строем, причем в школе учились только девочки (раньше раздельное обучение было). И вот идут строем девочки и во все горло орут песню: «Артиллеристы, Сталин дал приказ». И мы шли и дружно распевали песни.

Еще я хотела сказать, что в 42 году во время войны моя мама стала донором и регулярно сдавала по 450 гр. крови. Потому что когда донорскую карточку давали, другой уже был паек. Донорам был положен хороший обед, и мама приносила его домой.

Как бы тяжело ни было, радость все равно была

Воспоминания Веры Павловны Антипиной (блокадный Ленинград)

В начале войны мне было два с половиной года. Я мало что помню. Мы жили две сестры и мама, т.е. тетя (это потом она станет мне мамой). Когда началась война, отец ушел сразу на фронт. Мама моя до войны была портнихой. А тетя до войны работала то ли на картонажной фабрикете, то ли на фарфоровом заводе, я не помню. Во время войны они сдавали кровь, мама была старше своей сестры на 10 лет, ей это далось нелегко, и она в 42 году в больнице умерла. У нее была водянка (наверное, следствие голода). И когда моя мама умерла, тете пришлось устроиться на другую работу, она стала грузчицей на зернотоке. Работала в три смены, мы ее почти не видели, только все время ждали, что она должна прийти. Мы знали время, когда она должна быть, и если ее долго не было, мы вставали на колени и молились. Как многие уже раньше говорили, страх потерять мать — это был основной страх. Он сильнее войны. Это было каждый день. Отец один раз только приезжал с фронта, когда моя сестра очень тяжело болела желтухой. По какой-то причине он задержался дома, а когда вернулся в часть, его послали в штрафной батальон. Тете, с которой мы остались, пришлось оформлять опеку. Служба опеки не очень шла на эти вещи, это было тяжело. Даже родные родители старались избавиться от своих детей, т.к. на них получали карточки, которые они потом могли сами использовать.

Мы с сестрой очень боялись попасть в детский дом, нам казалось, что это — конец всего. Но как бы тяжело ни было, радость все равно была. Может быть, потому, что я была настолько мала, что не осознавала всего ужаса. Единственный страх был — страх потерять мать. А страх войны был не очень сильным.

КОРРЕКТИВНАЯ ТАБЛИЦА
В СОСРЕДНОМ КЛАССЕ
В 1942 ГОДУ

Воспитатель	300	300	250	300
Учитель	400	300	300	200
Воспитатель	300	150	150	150
Учитель	250	125	125	125

Редакция благодарит Свято-Троицкое малое православное братство за предоставленный материал

